

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 18, Is. 1, pp. 99–112, 2026
DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-99-112

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 314.146+ 347.791.38

Многодетность монголов как этнографический факт

Владислав Игоревич Терентьев¹

The Large Family of Mongolians as an Ethnographic Fact

Vladislav I. Terentyev¹

¹ Новосибирский государственный технический университет (д. 20, пр. К. Маркса, 630073 Новосибирск, Российская Федерация)

¹ Novosibirsk State Technical University (20, K. Marks Ave., 630073 Novosibirsk, Russian Federation)

кандидат исторических наук, доцент

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-1258-6865. E-mail: vlad33[at]bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2026

© KalmSC RAS, 2026

© Терентьев В. И., 2026

© Terentyev V. I., 2026

Аннотация. *Введение.* Семья выступает ключевым институтом трансляции последующим поколениям этнической культуры, языка и идентичности. В представлениях современных монголов семья должна быть многодетной. Именно такая семья, по мнению в том числе и молодежи, является счастливой. Однако статистика фиксирует снижение рождаемости и трансформацию института семьи. Это создает противоречие между четкой установкой на многодетность в национальном самосознании и реальными демографическими тенденциями. *Цель* данной статьи сводится к разъяснению кажущихся противоречий между устойчивыми традиционными представлениями в монгольском обществе, согласно которым настоящая и счастливая семья обязательно является многодетной, и объективными социологическими и статистическими данными, фиксирующими снижение суммарного коэффициента рождаемости в стране. *Материалы и методы.* Исследование базируется на междисциплинарном подходе и сочетает методы классической полевой этнографии с данными социологии, статистики, политологии и лингвистики. В статье «этнографический факт» трактуется как явление традиционной культуры, включенное в систему народных представлений и доступное для интерпретации. *Результаты.* Многодетность (минимум 3–4 ребенка) остается важным элементом национальной идентичности монголов, несмотря на глобальные тенденции по сокращению рождаемости и общей трансформации семьи. Хотя данные статистики и некоторые исследования указывают на возможное постепенное снижение суммарного коэффициента рождаемости, политика, направленная на многодетность, продолжает активно поддерживаться на бытовом и государственном уровнях. Феномен устойчив благодаря традиционной системе воспитания с привлечением большого количества родственников и особому восприятию детей как главного богатства. Кроме того, в обществе сохраняется восприятие всей нации как единой семьи, что укрепляется

в повседневном общении через использование терминов родства. *Выводы.* Феномен многодетности в современной Монголии представляет собой сложное противоречие между объективными демографическими тенденциями и глубокими культурными установками. Несмотря на статистическое снижение рождаемости, модель семьи с тремя и более детьми сохраняет статус одной из ключевых социальных норм и символов успеха.

Ключевые слова: Монголия, семья, фертильность, демография, национальная идентичность, этнографический факт, традиционная культура, ценности, пост-современность

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Новосибирского государственного технического университета в рамках проекта № ТП-И-иП-1_26.

Для цитирования: Терентьев В. И. Многодетность монголов как этнографический факт // Монголоведение. 2026. Т. 18. № 1. С. 99–112. DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-99-112

Abstract. Introduction. The family acts as a key institution for transmitting ethnic culture, language and identity to subsequent generations. In the minds of Mongols including modern youth, a family should have many children and such a family is a happy one. However, current statistic records show a decrease in the birth rate and the transformation of the family institution. This creates a contradiction between a clear attitude in the national consciousness towards having many children and real demographic trends. The *purpose* of this article is indeed to clarify the apparent contradictions between the stable traditional view in Mongolian society, according to which a real and happy family must have many children, and objective sociological and statistical data recording a decrease in the total fertility rate in the country. *Materials and Methods.* The research is based on an interdisciplinary approach and combines the methods of classical field ethnography with data from sociology, statistics, political science and linguistics. In the article, the «ethnographic fact» is interpreted as a phenomenon of traditional culture, included in the system of folk beliefs and available for interpretation. *Results and Discussion.* Having many children (at least 3–4 children) remains an important element of the national identity of the Mongols, despite global trends towards a decrease in the birth rate. Although statistical data and some studies indicate a possible gradual decrease in the total fertility rate, this practice continues to be actively supported at the household and state level. The phenomenon is stable due to the traditional parenting system involving a large number of relatives and the special perception of children as the main wealth. In addition, society retains the perception of the entire nation as a single family, which is reinforced in everyday communication through the use of kinship terms. *Conclusion.* The phenomenon of having many children in modern Mongolia is a complex contradiction between objective demographic trends and deep cultural attitudes. Despite the statistical decrease in the birth rate, the family model with three or more children retains the status of a key social norm and a symbol of success.

Keywords: Mongolia, family, fertility, demography, national identity, ethnographic fact, traditional culture, values, postmodernity

Acknowledgements. The reported study was funded by Novosibirsk State Technical University, project no. TP-IiP-1_26.

For citation: Terentyev V. I. The Large Family of Mongolians as an Ethnographic Fact. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 18. Is. 1. Pp. 99–112. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-99-112

1. Введение

У современных монголов, как и большинства других этнических общностей, сохраняющих черты традиционности, семья продолжает оставаться, преимущественно, многодетной и выполняет ключевые функции в процессе воспитания человека в его культуре, являясь одним из основных механизмов трансляции этноисторической памяти. В семье закладываются и через нее передаются от поколения к поколению основные черты и компоненты этничности, ключевые этнокультурные ценности: родной язык, обычаи, религиозные установки, обряды, поведенческие и моральные нормы, этнические ценности, — все они, тем не менее, в процессе взросления в отдельных случаях могут кардинальным образом изменяться.

Современная монгольская семья, как и раньше, является уникальным общественным институтом, который не только воспитывает личность в ее этническом окружении и наполнении, в конкретной хозяйственной деятельности, основанной на кочевом скотоводстве, но и развивает у человека национальную идентичность, закладывает основные компоненты гражданского национализма, который в Монголии неразрывно связан с этничностью и исторической памятью. Эти установки, компоненты этничности, освященные семьей и простирающиеся вглубь истории рода и — шире — всей этнической общности, остаются у большинства монголов ориентирами в их собственном процессе самоидентификации.

Отличительным признаком монгольской семьи в разные исторические периоды, в том числе и в эпоху социалистической модернизации, являлась многодетность. Отношение к многодетности как к само собой разумеющемуся обстоятельству, присущему полноценной семье, по сути, доминирует в традиционных представлениях о семье среди современных монголов: «у монгольской молодежи счастливая семья, как правило, ассоциируется с понятиями многодетная семья и родительская семья» [Оюунсүрэн, Ермолаев 2019б: 989]. Такая установка является своего рода этнографическим фактом, который диссонирует с конкретными социологическими и статистическими данными. Анализ данной ситуации посвящена настоящая статья.

Социальный институт семьи у монголов сравнительно хорошо изучен. Так, важность семьи как общественного института и семейных ценностей в процессе передачи этничности отмечали многие авторы [Монгольский мир 2014: 242–256; Рэнцэнханд 2024: 65–69; Ушаков 2018: 192–207; Ушаков 2020: 48–64]. В ряде работ освещаются трансформационные процессы, присущие современной монгольской семье [Анисимова, Северьянов 2021: 70–75; Бадараев и др. 2012: 75–82; Бурэн-Улзий, Цэдэв 2015: 175–180; Винокурова и др. 2012: 72–78; Винокурова и др. 2021: 190–202; Винокурова 2013: 81–85; Намжил 2004: 132–160; Оюунсүрэн, Ермолаев 2019а: 65–72; Оюунсүрэн, Ермолаев 2019б: 989–997; Оюун-Эрдэнэ 2012: 37–49]. Промежуточные выводы по формам, ценностям, современному положению монгольской семьи и сохранению в ней этнической культуры приведены в коллективной обобщающей монографии [Үндэсний соёл 2017: 150–232].

Наряду с этим отмечаются негативные характеристики, свидетельствующие о четко наметившемся процессе трансформации семьи как института, такие как юное материнство, которое ведет «к риску потери нравственного, физического и духовного здоровья нации» [Балтуева 2015: 51], «падение рождаемости, рост количества разводов и социальной приемлемости гражданских браков, рост количества неполных семей, воспитывающих детей (матерей-одиночек),

значительное повышение возраста вступления в первый брак» [Оюунсүрэн, Ермолаев 2019б: 990]¹.

В некоторых случаях в литературе по нашей теме встречаются неоднозначные и требующие дополнительных комментариев утверждения, согласно которым сегодня в Монголии «...желание стать матерью (отцом) отходит на второй план..., большинство людей воспринимают детей как нейтральный, а чаще всего негативный фактор во всех существенных моментах социальной жизнедеятельности» [Бадарав и др. 2012: 81], «а размер семьи становится все меньше и меньше» [Буянтуева 2015: 154].

Безусловно, сегодня в Монголии уже не так часто и повсеместно встретишь молодую семью с 5–6 и более детьми (тем не менее в нашем продолжительном полевом опыте неоднократно встречались и такие случаи), но аналогичным редким исключением являются и семьи с одним ребенком. Почти повсеместна практика наличия 2–3 и более детей в одной семье. Особое отношение к миру детства, к детям как непосредственным соучастникам общественных процессов, этнокультурная специфика продолжающего эволюционировать института семьи, при которой роль родителей и детей в обществе по-прежнему остается на достаточно высоком уровне — все эти перечисленные обстоятельства в полной мере дают возможность говорить о наличии в Монголии «культы детей» [Ушаков 2020: 61].

Проведенный обзор имеющейся литературы демонстрирует наличие значительной проработанности темы «монгольская семья» по многим аспектам (этнографические, социологические, психологические, демографические). Тем не менее публикации, связанные с изучением многодетности как этнографического факта, практически не встречаются. Кроме того, отмечаемая установка на сокращение количества детей в семьях, фиксируемая данными статистики и социологами, противоречит традиционной установке на многодетность и убежденности в ее наличии, существующей в национальном самосознании монголов.

2. Материалы и методы исследования

Настоящее исследование основано прежде всего на методах классической полевой этнографии. В работе активно привлекаются и данные социологии, статистики, сведения из политологии и лингвистики. Указанные обстоятельства позволяют утверждать о применении междисциплинарного подхода.

Ключевой термин «этнографический факт», используемый в данной статье, понимается как «любое явление, актуальное для традиционной культуры, включенное в систему народных представлений, доступное для дальнейшей интерпретации» [Дмитриев 2015: 40], т. е. этнографический факт естественным образом выступает как «потенциальный признак этнической специфики» [Дмитриев 2015: 37]. Информация, составляющая этнографический факт и являющаяся им, не исчезает при смене наблюдателя [Дмитриев 2016: 35].

3. Многодетность в Монголии: демографическая оценка

Многодетность является важным признаком монгольской национальной идентичности. Богатство в монгольском обществе понимается в том числе и как

¹ Обзор статистических данных, правительственных и ведомственных отчетов по теме также приводится в этой статье [Оюунсүрэн, Ермолаев 2019б: 990].

наличие большой семьи, имеющей, минимум, 3–4 детей. Установка на многодетность, являющаяся, по факту, массово распространенной в Монголии, вызывает отдельный научный интерес, учитывая общемировую тенденцию на сокращение количества детей в семье до одного ребенка либо на отказ от деторождения до достижения определенного возрастного, карьерного и имущественного порога будущих родителей.

Исследования российских и монгольских авторов демонстрируют общее состояние рассматриваемого феномена монгольской семьи. В среде монгольской молодежи многодетность как доминанта выявляется методами социологических опросов: 41 % респондентов отвечали, что наиболее предпочтительно иметь четверых детей; 34 % — троих; 14 % — двоих; 12 % — пятерых, только 1 % планируют ограничиться одним ребенком [Евразийский мир 2010: 148]. Данные других, еще более ранних, опросов (2006–2007 гг.) показывают примерно схожие результаты: наличие трех и более детей поддерживали 34 % респондентов, двоих детей — 55 %, одного ребенка — 4 % [Замогильный и др. 2008: 151].

55 % респондентов, опрошенных почти два десятилетия назад и высказывавших желание иметь только двоих детей, позволяют в некоторых случаях небесспорно утверждать о наличии в Монголии тенденции к отходу от многодетности, о чем еще будет сказано ниже. Как бы то ни было, по мнению 31 % опрошенной монгольской молодежи, в счастливой семье должно быть «четверо и больше детей», по мнению 25 % — трое, 10 % — двое, 16 % считают, что в счастливой семье детей должно быть «как можно больше», причем вариант «один ребенок» не выбрал никто [Оюунсүрэн, Ермолаев 2019б: 993]. Традиционно в кочевом обществе многодетная мать всегда имела особый социальный статус, но в целом сегодня монгольская молодежь на 1/4 меньше по сравнению со старшим поколением ориентирована на семью, состоящую из трех и более детей [Монгольский мир 2014: 243].

Суммарный коэффициент рождаемости (т. е. сколько бы родила каждая женщина в репродуктивный период при сохранении уровня рождаемости в год, для которого вычисляется коэффициент) в Монголии в 1975 г. составлял 7,0. С тех пор он постепенно, но уверенно падает, достигнув исторического минимума к началу 2000-х гг. в 2,0 единицы, он сравнительно увеличился к 2019 г., составив 3,0 единицы, и с тех пор вновь сокращается. Сейчас данный показатель равен 2,6–2,7 [Монгол Улс 2023: 18]. Согласно отчету Фонда ООН в области народонаселения (англ. United Nations Population Fund (UNFPA)), составленному при участии монгольских коллег, суммарный коэффициент рождаемости продолжит уменьшаться и к 2035–2040 гг. составит при позитивном сценарии 2,49, при негативном раскладе — 1,89. Средний вариант гипотетически предполагает снижение уровня фертильности к указанному сроку до отметки в 2,19 [Implications 2012: 113]. В то же время сам Национальный статистический комитет Монголии прогнозирует рост суммарного коэффициента рождаемости до 3,32–3,67 к 2040–2045 гг. [Хүн ам 2017: 27]. Интересно, что и в первом случае UNFPA ссылается в публикуемых данных на сведения, полученные из Национального статистического комитета страны.

Для сохранения численности населения этот коэффициент должен равняться 2,1–2,2. Высокий коэффициент рождаемости является причиной естественного роста населения страны. На этом основании в демографической литературе

утверждается, что в Монголии происходит «снижение рождаемости»: «*все большее распространение получает ориентация не на количество, а на „качество“ детей*» [Винокурова и др. 2021: 194].

Согласно утверждениям социологов, в стране «*формирование установки на повышение благосостояния за счет внутренних материальных ресурсов ведет к сознательному ограничению числа детей*» [Винокурова 2013: 85]. Приводимое цитируемым автором совместно с монгольскими коллегами «*суждение: „пусть детей в семье будет меньше, но у них будет все самое лучшее“*» [Винокурова и др. 2021: 194], становящееся, по их мнению, «*все более популярным*» [Винокурова и др. 2021: 194], не встречалось нам в среде наших собеседников ни во время экспедиционных поездок в Монголию (2008–2012 гг.), ни за весь период проживания в Улан-Баторе (2013–2022 гг.). Могут ли этнографические факты противоречить неумолимым данным статистики?

Действительно, показатели фертильности в Монголии по годам на более длительном промежутке времени имеют волнообразный характер колебания: постепенное снижение фертильности в 1980-е гг., когда на одну женщину в Монголии приходилось в среднем по 5 детей, завершилось «демографической ямой» 1990-х гг. со средним показателем в 2,5 ребенка. Плавное увеличение показателя фертильности в 2000–2010-е гг. дало в среднем коэффициент приблизительно на уровне около 2,8 [Хүн ам 2017: 26]. Присовокупив разнонаправленные прогнозы, предлагаемые ООН и государственными статистическими органами Монголии, а также собственные убеждения монголов в наличии безостановочного роста численности населения и многодетности как факта, присущего современным монголам, приходим к выводу о том, что тезис о «снижении рождаемости» в Монголии потребует некоторых оговорок.

4. Многодетность у монголов в этнографическом осмыслении

Прежде чем перейти непосредственно к этнографическому рассмотрению многодетности как социокультурному феномену современного монгольского общества, необходимо остановиться на характеристике такого элемента культуры, как планирование и особенности его функционирования в монгольской среде.

Кочевому обществу в меньшей степени присуще устойчивое планирование в том смысле, в каком это понимается в контексте земледельческой и, преимущественно, урбанистической цивилизации. В этническом самосознании монголов не столь сильно проявляется перспективное мышление, что заметно, как минимум, в общеизвестном отношении ко времени (*маргааш* ‘завтра’ как некое не конкретизированное будущее, а не реальный день, наступающий вслед за сегодняшним). Такая установка базируется в том числе и на цикличном существовании скотовода в условиях перекочевки по сезонным пастбищам, четко привязанным к конкретным временам года. Так, российскому исследователю и в последующем дипломату И. М. Майскому во время его поездки по Внешней Монголии в 1919–1920 гг. местные проводники без зазрения совести буднично не раз говорили: «поспешишь — замерзнешь» (*монг. яарвал даарна*) и «зачем спешить: в году дней много». Отсутствие сбережений у большинства населения страны, показательно проявившееся в условиях коронакризиса (экономического кризиса, возникшего вследствие пандемии коронавирусной инфекции COVID-19) в 2020–2021 гг., также является подтверждением данной черты национальной идентичности монголов.

В этом аспекте просматривается и отсутствие практики планирования детей. Кроме того, дети (именно их количество), по-прежнему, повторимся, воспринимаются как сокровище, мерило богатства и выражение трансцендентного счастья, причем при знакомстве монгольского мужчины с иностранцем всегда в числе первых будет задан вопрос о количестве детей. Удовлетворительным считается наличие минимум троих детей. Отвечая «двое», можно услышать в ответ о том, что «ты несчастный» или «возможно, больной» [ПМА 2014–2022]. Последний вариант будет нести оттенок сострадания, первый — коннотацию осуждения.

В качестве еще одного подтверждения сказанному приведем этнографическое наблюдение барнаульского философа А. В. Иванова: *«Монголы однажды по-доброму высмеяли нас и даже шутливо подвергли сомнению нашу мужскую состоятельность, когда узнали, что у нас с моим другом два и, соответственно, один ребенок»* [Иванов 2004: 169].

В Монголии в условиях, которые в бытовом и материальном плане не способствуют многодетности, наблюдается обратная тенденция, не объяснимая рациональными доводами. Нехватка в стране и в особенности в Улан-Баторе в широком доступе благоустроенных детских площадок¹, безопасных тротуаров (когда двор, как прилегающая к дому территория, становится для автомобилистов сквозной проезжей частью, на которую даже наносится дорожная разметка), достаточного количества государственных детских садов и школ, а также факт проживания большинства населения страны (в особенности жителей столичных юрточных кварталов) в окружении, далеком от комфорта, без электричества, центрального водоснабжения и отопления, в сумме с повышенной загрязненностью воздуха — все это должно было стать сдерживающим фактором в практиках населения по планированию семей и числа детей в них. В действительности же этого не происходит. Ключевая причина кроется не только в отсутствии представления подавляющего большинства населения столицы (в недавнем прошлом — кочевников-минималистов) о критериях социального комфорта, присущих городу, но и в наличии традиционализма как важного системообразующего элемента современной монгольской национальной идентичности.

Собственно, феномен монгольской многодетности существует исключительно благодаря традиционной системе внутрисемейного воспитания с активным привлечением родственников, что актуализирует и без того значимые для большинства монголов родственные связи. Без активной помощи и поддержки представителей старшего поколения, старших братьев и сестер самого ребенка, кузенов и кузин было бы в принципе физически и морально невозможно воспитание одновременно нескольких детей-погодок или детей с небольшой разницей в возрасте, что нередко встречается в современной Монголии [ПМА 2014–2022].

Многодетность как сохраняющийся аспект традиционализма можно отчасти

¹ Наши личные визуальные наблюдения в Улан-Баторе дополняются сообщением бывшего столичного мэра Д. Сумьяабазара (2020–2023 гг.), согласно которому по состоянию на май 2021 г. 70 % от всех существовавших в городе детских площадок не отвечали положенным стандартам и представляли угрозу для жизни и здоровья детей [Лутбаяр 2021]. Официальным сведениям вторят монгольские социологи: *«в настоящее время осталось очень мало мест для внешкольной активности детей. Такая ситуация вынуждает многих подростков бесцельно бродить по улицам, подтверждая вывод, что в Улан-Баторе нет благоприятной среды для детей»* [Оролмаа и др. 2019: 116].

объяснить существующим представлением о необходимости деторождения как «исполнения долга перед обществом» (считалось, что само рождение детей избавляет женщину от скверны, а бездетность рассматривается как «наказание свыше») [Нанзатов, Содномпилова 2013: 7–9] и «инстинктивным стремлением к самосохранению народа» (по примеру сравнения с бурятами XIX в. [Дондокова 2002: 79]). Только последнее свойственно, преимущественно, обществу, в котором присутствует естественная убыль населения, чего нельзя сказать о современных монголах, которые объясняют свою установку на многодетность конкретными мотивами.

Во-первых, это действительно связано с общей численностью населения страны, в особенности в сопоставлении с аналогичными показателями соседних стран: России и, в большей степени, КНР. Кроме того, в беседе на данную тему почти каждый монгол может привести несколько исторических аргументов. Согласно одному из них, не так давно процветавшие и даже подчинившие Китай и саму Монголию маньчжуры постепенно ассимилировались среди китайского населения [ПМА 2014–2022]. Параллелизм гипотетической ситуации ассимиляции народа-нации подчеркивается не только соседством с Китаем, но и общим скотоводческим образом жизни маньчжуров и монголов. Также показателен в представлении современных монголов опыт исторического существования так называемых «внутренних монголов» (т. е. монголов Автономного района Внутренняя Монголия КНР).

На протяжении всей новейшей независимой истории Монголии наблюдается тенденция стабильного роста населения, также сохраняющаяся и в демократический период, но темпы роста считаются недостаточными. Риторика необходимости увеличения деторождения в Монголии усилилась в период ожидания появления на свет 3-х миллионного гражданина страны (в конце 2014 – начале 2015 г.). Его рождение 24 января 2015 г. стало необъявленным общенациональным праздником.

Во-вторых, встречаясь на общесемейных торжествах или церемониях всей семьей, ее члены могут видеть друг друга и общую численность собравшихся. Наличие в таких ситуациях даже трех братьев / сестер и их детей считается недостаточным количеством [ПМА 2014–2022].

Государство поддерживает многодетность не столько материально [Анисимова, Северьянов 2021: 70–75], сколько идеологически и символически через сохраняющуюся с социалистических времен и несколько дополненную систему награждения матерей-героинь. За рождение 4 детей женщина получает орден «Материнская слава¹» (монг. *Алдарт эх*) 2-й степени, за 6 и более детей — 1-й степени (при социализме этой наградой отмечали матерей 8 детей). Помимо этого, с начала 2010-х гг. существует система награждения нагрудными знаками и специальными званиями матерей, внесших особый вклад в увеличение численности населения страны. Так, женщина, родившая 3 и более сыновей-наследников, получает нагрудный знак и звание «Мастерица-невестка» (монг. *Дархан бэр*), родившая 3 и более дочерей — «Искусная невестка» (монг. *Уран бэр*) или «Царица-невестка» (монг. *Хатан бэр*). Процесс награждения матерей орденами регулярно широко освещается в средствах массовой информации.

¹ Букв. «Великая мать».

5. Многодетность монголов: лингвистический анализ

Обращение руководства страны к награждаемым многодетным женщинам как к своим невесткам (или невесткам единой персонифицированной нации) свидетельствует о том, что все монголы воспринимаются как члены одной семьи-нации. Эта мысль подтверждается не только на официальном государственном уровне, но и на бытовом, в условиях повседневного общения, когда собеседник-монгол рассказывает, что *«даже если этот человек не мой дядя или брат, то он точно брат или дядя моего дяди или брата»* [ПМА 2014], особенно если речь идет о ком-то из родного для собеседника аймака. Также само обращение монголов друг к другу «старший брат» / «дядя» (монг. *ах*), «младший брат» (монг. *дүү*), «старшая сестра» / «тетя» (монг. *эгч*), «младшая сестра» (монг. *дүү*) не только усиливает самоощущение отдельных представителей нации как членов единой семьи, но и реально свидетельствует о фактическом равенстве в Монголии понятий «семья» и «нация».

В условиях отсутствия иных нейтральных синонимов («молодой человек», «парень», «девушка», «мужчина», «женщина» и т. п.) с такими же словами, выражающими категории родства, в зависимости от возраста монголы обращаются и к иностранцу (при общении именно на монгольском языке, а в англоязычном варианте более употребительны обращения *sorry / excuse me*). Вообще в Монголии широко распространена мысль, выражаемая неоднократно слышимой нами фразой: *«Монголия очень маленькая, все друг друга знают»* [ПМА 2014–2022]. И это, действительно, регулярно подтверждается в обыденной жизни. Но в рассмотренном восприятии нации как семьи общее знакомство всех со всеми расширяется до факта семейности-родства.

Справедливости ради стоит сказать, что довольно часто младшие обращаются к женщинам / девушкам старше себя, используя эвфемизм *аниа*, который сложно перевести на русский язык. «Большой академический монгольско-русский словарь» не дает перевода, комментируя это слово фразой «табуированное обращение к старшим родственникам» [БАМРС 2001: 113]. Сами монголы переводят его на русский язык как «сестренка» / «сестрица» [ПМА 2014–2022]. Словарное уточнение, согласно которому это обращение используется только по отношению к родственникам, на практике не соблюдается. Словом *аниа* к старшим обращаются не только родственники и довольно близкие по общению люди, но малознакомые люди. Это опять же утверждает нас в выводе о наличии в Монголии нации-семьи и в символическом, и в кровном отношении.

В традиционном обществе начала XX в. родство и близость большинства монголов ощущались отчетливее. Именно в тех условиях малочисленности населения соблюдение экзогамии, функционирование родовой номенклатуры и обращение друг к другу с использованием категорий родства было более оправданным и не могло вызывать отторжение. К началу XXI в. данные обращения сохранились с соблюдением переноса категорий родства на уровень нации.

6. Заключение

В результате проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. Сегодня в Монголии в отношении осмысления многодетности существует противоречие между статистическими тенденциями и этнокультурной установкой. Данные демографии фиксируют общее снижение суммарного коэффициента

рождаемости в Монголии с исторически высоких значений, равнявшихся полвека назад 7,0, вплоть до современных показателей в 2,6–2,7. Однако в национальном самосознании многодетность (3–4 ребенка и более) остается устойчивой нормой, ключевым маркером счастливой и успешной семьи и выражением значимого социального статуса.

2. Многодетность у монголов поддерживается благодаря продолжающей сохраняться, но и активно трансформирующейся системе традиционных ценностей и специфическому мировоззрению. Установка на многодетность уходит корнями в кочевое прошлое с присущей ему уникальной формой ведения хозяйства и соприкасается с традиционным восприятием монголами времени. Эта установка фиксируется даже в условиях столичной жизни с ее объективными инфраструктурными сложностями и экологическими проблемами. Вероятно, продолжающаяся социально-экономическая трансформация монгольского общества внесет свои коррективы в практику более осмысленного планирования количества детей в молодых семьях. В таком случае можно будет уверенно говорить о демографическом переходе как свершившемся факте и констатировать смену типа воспроизводства населения.

3. Монголия как государство активно культивирует идеологию многодетности на уровне символической политики. Поддержка проявляется не столько в масштабной материальной помощи, сколько в системе государственных наград и званий для многодетных матерей (*Алдарт эх*, *Дархан бэр*, *Уран бэр*, *Хатан бэр*), что укрепляет связь между деторождением и национальным престижем. Широкое освещение таких награждений в средствах массовой информации способствует утверждению многодетности как элемента национальной гордости в общественном сознании.

4. На примере повседневного общения демонстрируется то, что монгольское общество нередко осмысляет себя посредством модели расширенной семьи. Лингвистический анализ показывает, что в бытовых языковых практиках среди монголов доминируют термины родства, которые применяются и к незнакомым людям, а нация концептуализируется как единая большая семья. Подобное обстоятельство создает социально-психологический контекст, в котором многодетность воспринимается как условие естественное и необходимое для поддержания целостности «нации-семьи».

5. Для комплексного осмысления феномена монгольской многодетности необходим междисциплинарный подход с опорой на методы полевой этнографии. Для понимания ситуации недостаточно только социологических и статистических данных, фиксирующих сокращение средней численности детей в семьях и прогнозирующих потенциальное снижение суммарного коэффициента рождаемости. Этнографические методы (включенное продолжительное наблюдение, беседы, интервьюирование и анализ повседневных практик), позволяют выявить и объяснить незыблемость глубокой культурной установки на многодетность у современных монголов, которая диссонирует с количественными показателями, но остается ключевым элементом национальной идентичности.

Полевые материалы автора

ПИМА 2014 — Инф. 1: NN (1989 г. р.),
г. Ховд Ховдского аймака (2014).

Author's Field Data

Informant 1: N. N., b. 1989, Khovd, Khovd
aimag, 2021.

ПИМА 2014–2022 — Полевые материалы автора — наблюдения в г. Улан-Баторе (2014–2022).

The author's field materials — the observations in Ulaanbaatar (2014–2022).

Литература

- Анисимова, Северьянов 2021 — *Анисимова Л. Ю., Северьянов М. Д.* Трансформация системы социального обеспечения семьи в Монголии в конце XX – начале XXI вв. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 4(46). С. 70–75.
- Бадараев и др. 2012 — *Бадараев Д. Д., Винокурова А. В., Батжаргал Д.* Основные тенденции развития ценностных ориентаций семьи в контексте трансформационных процессов в современном монгольском обществе // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 75–82.
- Балтуева 2015 — *Балтуева С. В.* Юное материнство в Монголии: социальные аспекты // Общество: социология, психология, педагогика. 2015. № 6. С. 51–53.
- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: в 4-х тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1: А–Г. М.: Academia, 2001. 486 с.
- Бурэн-Улзий, Цэдэв 2015 — *Бурэн-Улзий И., Цэдэв Н. Х.* Современная монгольская семья в гендерном измерении (по результатам социологического исследования в Ховдском аймаке) // Этносоциальные процессы в Сибири: сб. ст. Вып. 10. Новосибирск: СО РАН, 2015. С. 175–180.
- Буянтуева 2015 — *Буянтуева Г. Ц-Д.* Роль семьи в развитии современной бурятской и монгольской молодежи // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 8(1). С. 154–156.

References

- Anisimova L. Yu., Severyanov M. D. Transformation of the Family Social Security System in Mongolia in the late 20th – early 21st Centuries. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*. 2021. No. 4 (46). Pp. 70–75. (In Russ.)
- Badaraev D. D., Vinokurova A. V., Batzhar-gal D. Main Tendencies of Family Value Orientations Development in the Context of Social Transformations in Contemporary Mongolian Society. *Theory and Practice of Social Development*. 2012. No. 5. Pp. 75–82. (In Russ.)
- Baltueva S. V. The Young Motherhood in Mongolia: Social Aspects. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2015. No. 6. Pp. 51–53. (In Russ.)
- The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. In. 4 vols. G. Ts. Pyurbееv (chief ed.). Vol. 1: A–G. Moscow: Academia, 2001. 486 p. (In Mong. and Russ.)
- Buren-Ulzij I., Tsedev N. Kh. Modern Mongolian Family Gender Dimension (according to the Results of Sociological Research in Khovd Aimag)]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri* / Yu. V. Popkov [ed.]. Iss. 10. Novosibirsk: SB RAS, 2015. Pp. 175–180. (In Russ.)
- Buyantueva G. Ts-D. The Role of Family in the Development of the Modern Buryat and Mongolian Youth. *The Buryat State University Bulletin*. 2015. Iss. 8(1). Pp. 154–156. (In Russ.)

- Винокурова 2013 — Винокурова А. В. Трансформация семейных ценностей в контексте общественных преобразований (на примере российских и монгольских семей) // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 6. С. 81–85.
- Винокурова и др. 2012 — Винокурова А. В., Бадараев Д. Д., Батжаргал Д., Энхболд Д. Соотношение семейных и внесемейных ценностей в структуре ценностных ориентаций современной монгольской семьи // Известия Восточного института. 2012. № 1. С. 72–78.
- Винокурова и др. 2021 — Винокурова А. В., Оролмаа О., Шагдар О. Демографическое поведение и миграционные настроения населения современной Монголии: основные тренды и динамика развития // Социальные и экономические системы. 2021. № 3. С. 190–202.
- Дмитриев 2015 — Дмитриев В. А. Об актуальности категории «этнографический факт». Часть 1. Факт и источник // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 37–41.
- Дмитриев 2016 — Дмитриев В. А. Об актуальности категории «этнографический факт». Часть 2. Факт и информация // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 1. С. 31–36.
- Дондокова 2002 — Дондокова Л. Ю. О свободе добрачных половых отношений у бурят и монголов на рубеже XIX–XX вв. (анализ литературных источников) // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. С. 77–85.
- Евразийский мир 2010 — Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / А. В. Иванов [и др.]. Новосибирск: Nonparel', 2010. 449 с.
- Замогильный и др. 2008 — Замогильный С. И., Ставропольский Ю. В., Дорждагва Т. Конкретно-эмпирические формы ценностных установок молодежи России и Монголии // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2008. № 3. С. 140–155.
- Vinokurova A. V. Transformation of Family Values in the Context of Social Changes (on the Example of Russian and Mongolian Families). *The Buryat State University Bulletin*. 2013. No. 6. Pp. 81–85. (In Russ.)
- Vinokurova A. V., Badaraev D. D., Batzhargal D., Enkhbold D. The Relationship Between Family and Extra-family Values in the Structure of Value Orientations of the Contemporary Mongolian Family. *Oriental Institute Journal*. 2012. No. 1. Pp. 72–78. (In Russ.)
- Vinokurova A. V., Orolmaa O., Shagdar O. Demographic Behaviour and Migratory Sentiments among the Population in Modern Mongolia: Main Trends and Dynamics of Development. *Social and Economic Systems*. 2021. No. 3. Pp. 190–202. (In Russ.)
- Dmitriev V. A. On the Relevance of «Ethnographic Fact» Category: Part 1: The Fact and the Source. *Humanities and Law Research*. 2015. No. 4. Pp. 37–41. (In Russ.)
- Dmitriev V. A. On the Relevance of «Ethnographic Fact» Category: Part 1: The Fact and the Information. *Humanities and Law Research*. 2016. No. 1. Pp. 31–36. (In Russ.)
- Dondokova L. Yu. On the Freedom of Pre-marital Sex Relations among the Buryats and Mongols at the turn of the 19th – 20th Centuries (an analysis of literary sources). *Ethnographic Review*. 2002. No. 2. Pp. 77–85. (In Russ.)
- The Eurasian World: Values, Constants, Self-Organization / A. V. Ivanov et al. Novosibirsk: Nonparel', 2010. 449 p. (In Russ.)
- Zamogil'nyj S. I., Stavropol'skij Yu. V., Dorzhdagva T. Concretly-Empirical Forms of Valuable Aims of Russian and Mongolian Youth. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2008. No. 3. Pp. 140–155. (In Russ.)

- Иванов 2004 — *Иванов А. В.* Западная Монголия — узловой центр Евразии // Москва. 2004. № 2. С. 166–176.
- Иванов A. V. Western Mongolia — the Nodal Center of Eurasia. *Moskva*. 2004. No. 2. Pp. 166–176. (In Russ.)
- Лутбаяр 2021 — *Лутбаяр Д.* Хүүхдийн тоглоомын талбайн 70 хувь нь стандартын бус, аюултай (= 70 % детских площадок не соответствуют стандартам и представляют опасность.) [электронный ресурс] // Gogo.mn. 2021. URL: <https://gogo.mn/r/50yq8> (дата обращения: 25.05.2025)
- Lutbayar D. 70% of Playgrounds do not Meet the Standards and are Dangerous. Available at: Gogo.mn. 2021. URL: <https://gogo.mn/r/50yq8> (accessed: May 25, 2025) (In Mong.)
- Монгол Улс 2023 — Монгол Улсын хүн ам 2022 (= Население Монголии в 2022 году). Улаанбаатар: Монгол Улсын Үндэсний статистикийн хороо, 2023. 33 х.
- The Population of Mongolia 2022. Ulaanbaatar: Mongol Ulsyn Yndesnij statistikijn khoroo, 2023. 33 p. (In Mong.)
- Монгольский мир 2014 — Монгольский мир: между Востоком и Западом / Ю. В. Попков [и др.]. Новосибирск: Автограф, 2014. 351 с.
- The Mongolian World: Between East and West. Yu. V. Popkov [et al.]. Novosibirsk: Avtograf, 2014. 351 p. (In Russ.)
- Намжил 2004 — *Намжил Т., Тунгалаг Д., Увш П.* Монгол гэр бүл: хөгжил, өөрчлөлт, төлөв (= Монгольская семья: развитие, изменения, планирование). Улаанбаатар хот: Олз-Оч ХХК, 2004. 174 х.
- Namzhil T., Tungalag D., Uvsh P. The Mongolian Family: Development, Changes, Planning. Ulaanbaatar: Olz-Och, 2004. 174 p. (In Mong.)
- Нанзатов, Содномпилова 2013 — *Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М.* Группа «невестки» в концептуальном универсуме монгольского общества // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2013. № 3(11). С. 7–18.
- Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. The Daughter-In-Law Group in the Conceptual Universe of the Mongolian Society. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS*. 2013. No. 3(11). Pp. 7–18. (In Russ.)
- Оролмаа и др. 2019 — *Оролмаа М., Тэгшээ Б., Дашзэвэг М.* Социология образования: многосменное школьное обучение в Улан-Баторе // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 2. С. 107–124.
- Orolmaa M., Tegshee B., Dashzeveg M. Sociology of Education: Multi-Shift Schooling in Ulaanbaatar. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. Pp. 107–124. (In Russ.)
- Оюунсүрэн, Ермолаев 2019а — *Оюунсүрэн Ж., Ермолаев В. В.* Семейные ценности в психологии российской и монгольской молодежи: кросскультурный анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2019. Т. 5(71). № 4. С. 65–72.
- Oyuunsuren Zh., Ermolaev V. V. Crosscultural Analysis of Family Values among Russian and Mongolian Youth]. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. 2019. Vol. 5(71). No. 4. Pp. 65–72. (In Russ.)

- Оюунсүрэн, Ермолаев 2019б — *Оюунсүрэн Ж., Ермолаев В. В.* Счастливая семья: кросс-культурный анализ представлений российской и монгольской молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 989–997.
- Оюун-Эрдэнэ 2012 — *Оюун-Эрдэнэ Б.* Монгол гэр бүлийн бүтэц хэв маяг, харилцааны онцлог, тулгамдаж буй асуудал (= Структура монгольской семьи, особенности взаимоотношений и вопросы интерпретации) // Proceedings of the Mongolian Academy of Sciences. 2012. Vol. 52. № 3. P. 37–49.
- Рэнцэнханд 2024 — *Рэнцэнханд Б.* Сравнительный анализ традиций воспитания в монгольских и русских семьях // Педагогическое образование. 2024. Т. 5. № 4. С. 65–69.
- Ушаков 2018 — *Ушаков Д. В.* Семья как институт воспроизводства этничности (на примере Монголии) // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16. № 4. С. 192–207.
- Ушаков 2020 — *Ушаков Д. В.* Этнокультурные ценности учащейся молодежи Монголии // Философия образования. 2020. Т. 20. № 4. С. 48–64.
- Үндэсний соёл 2017 — Үндэсний соёл — гэр бүл (= Семья – это национальная культура) / ред. Ш. Эрдэнэцэцэг. Улаанбаатар: Дэлхийн сонор, 2017. 248 х.
- Хүн ам 2017 — Хүн амын 2015–2045 оны шинэчилсэн хэтийн тооцоо (= Обновленные прогнозы численности населения на 2015–2045 годы). Улаанбаатар: Монгол Улсын Үндэсний статистикийн хороо, 2017. 153 х.
- Implications 2012 — Implications of Demographic Trends for Socio-Economic Development and Public Policy in Mongolia. Ulaanbaatar: UNFPA, 2012. 168 p.
- Oyuunsuren Zh., Ermolaev V. V. Happy Family Representation: a Cross-Cultural Analysis of Russian and Mongolian Youth. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. Vol. 21. No. 4. Pp. 989–997. (In Russ.)
- Oyuun-Erdene B. Mongolian Family Structure, Relationship Features, and Interpretational Issues. *Proceedings of the Mongolian Academy of Sciences*. 2012. Vol. 52. No. 3. Pp. 37–49. (In Mong.)
- Rentsenkhand B. Comparative Analysis of Eraditions of Upbringing in Mongolian and Russian Families. *Pedagogical Education*. 2024. Vol. 5. No. 4. Pp. 65–69. (In Russ.)
- Ushakov D. V. Family as Institution for the Reproduction of Ethnicity (The Case of Mongolia). *The Siberian Journal of Philosophy*. 2018. Vol. 16. No. 4. Pp. 192–207. (In Russ.)
- Ushakov D. V. Ethno-Cultural Values of Mongolian Student Youth. *Philosophy of Education*. 2020. Vol. 20. No. 4. Pp. 48–64. (In Russ.)
- Family is a National Culture. Sh. Erdenetsetseg (ed.). Ulaanbaatar: Delkhijn sonor, 2017. 248 p. (In Mong.)
- Updated Population Projections for 2015–2045. Ulaanbaatar: Mongol Ulsyn Yndesnij statistikijn khoroo, 2017. 153 p. (In Mong.)
- Implications of Demographic Trends for Socio-Economic Development and Public Policy in Mongolia. Ulaanbaatar: UNFPA, 2012. 168 p. (In Eng.)